

этихъ шутокъ, особенно, если онѣ были при дамахъ. Между тѣмъ Лермонтовъ не воздерживался—и однажды подшутить надъ нимъ именно при дамахъ.

— Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень долго выносилъ ваши шутки, продолжающіяся, не смотря на неоднократное мое требованіе, чтобы вы ихъ прекратили,—обратился къ поэту Мартыновъ.

— Что же, ты обидѣлся?—спросилъ Лермонтовъ.

— Да, конечно, обидѣлся.

— Не хочешь-ли требовать удовлетворенія?

— Почему жъ нѣтъ?

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: „Меня изумляютъ и твоя выходка и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя... Хочешь драться—будемъ драться“.

— Конечно, хочу,—отвѣчалъ Мартыновъ:—и потому разговоръ этотъ можетъ считаться вызовомъ.

Дуэль состоялась—и вотъ какъ описываетъ этотъ печальный эпизодъ секундантъ Лермонтова кн. Васильчиковъ. (Секундантомъ Мартынова былъ Глѣбовъ).

„...Мы считали эту ссору столь ничтожною и мелочною, что до послѣдней минуты увѣрены были, что она кончится примиреніемъ. Тѣмъ не менѣе всѣ мы, и въ особенности Глѣбовъ, который соединялъ съ отважною храбростію самое любезное и сердечное добродушіе, и пользовался равнымъ уваженіемъ и дружбою обоихъ противниковъ, всѣ мы, говорю, истощили въ теченіе трехъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что вышеприведенныя слова Лермонтова заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ, и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать шагъ къ примиренію. На этомъ сокрушились всѣ наши усилія: трехдневная отсрочка не послужила ни къ чему, и 15-го іюля, часовъ въ 6—7 вечера, мы поѣхали на роковую встрѣчу: но и тутъ въ послѣднюю минуту мы и, я думаю, самъ Лермонтовъ, были убѣждены, что дуэль

кончится пустыми выстрѣлами, и что, обмѣнявшись для соблюденія чести двумя пулями, противники подадутъ себѣ руки и поѣдутъ ужинать“.

Изъ другого источника мы узнаемъ, что Лермонтовъ заранѣе заявилъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ; Мартыновъ же все время сохранялъ злобное настроеніе.

„Мы“—продолжаемъ приводить слова кн. Васильчикова — „отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ть и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходитьсѣ каждому на 10 шаговъ, по командѣ: маршъ! Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подаль одинъ Мартынову, я—другой Лермонтову и скомадовали: сходишь! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ, по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него—и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ“.

Но есть опять-таки другое извѣстіе, считающееся болѣе достовѣрнымъ: Лермонтовъ къ барьеру тоже подошелъ, но не стрѣлялъ. Мартыновъ же такъ долго цѣлился въ Лермонтова, что секунданты закричали ему: „Стрѣляйте же, или мы васъ разведемъ!“¹⁾ Мартыновъ выстрѣлилъ—и, какъ говоритъ Васильчиковъ, „Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни назадъ ни впередъ, не успѣвъ даже захватить большое мѣсто, какъ то обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь: пуля пробила сердце и легкія“.

Сперва Лермонтовъ былъ похороненъ въ Пятигорскѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1842 году, Арсеньева перевезла гробъ его въ Тарханы.

П. Смирновскій.

¹⁾ См. біографическій очеркъ Лермонтова, написанный Дм. Сильчевскимъ.